Вера Мильчина

«Не как обычный славист...»

DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_320

Depretto C. Littérature, sciences humaines, pratique diariste: essais sur la culture de la période soviétique.

Paris: Eur'Orbem Éditions, 2025. — 416 p. — (Texte(s)).

Слова, которые я поставила в название своей рецензии, принадлежат одной моей европейской (не французской) коллеге, прекрасному историку, занимающемуся историей России и Советского Союза. Она любит спрашивать у меня про свои статьи: «Скажите, но ведь правда это написано не так, как пишут обычные слависты?» «Обычный славист» играет здесь роль «обычного порошка» из рекламы средств для стирки как некий абстрактный эталон чего-то неэффективного и вторичного. Я — совершенно искренне — заверяю коллегу, что обычному слависту до нее очень далеко. И то же самое я могу сказать о книге почетного профессора русской литературы университета Сорбонна Катрин Депретто «Литература, гуманитарная наука, дневниковое письмо: статьи о культуре советского периода».

Тут нужно сразу сделать два предупреждения-дисклеймера: во-первых, налицо некоторый конфликт интересов, состоящий в том, что мы с Катрин Депретто дружим уже добрых три десятка лет и я переводила ее книгу «Формализм в России: предшественники, история, контекст», выпущенную «Новым литературным обозрением» в 2015 г. А во-вторых, я вовсе не исследователь литературы советского периода, а только, если можно так выразиться, ее потребитель и, отчасти, сформированный ею продукт. Но надеюсь, что ни то ни другое не помешает мне рассказать о новой книге Депретто, а также поразмышлять о проблемах, встающих перед исследователем не собственной, а чужой, иноязычной литературы.

В работе такого исследователя большое место неизбежно занимает своего рода резюмирование того, что сделано исследователями на языке изучаемой литературы: в случае французского слависта — того, что сделано исследователями русской литературы на русском языке; эта резюмирующая, отчасти компилятивная часть адресована в первую очередь французам, не имеющим доступа к такой литературе хотя бы по причине незнания русского, и очень для них полезна. Но для того чтобы не быть «обычным славистом», нужно непременно привнести что-то свое, такое, чего эти российские исследователи не знают, — или архивный документ, или интерпретацию текста, или, что не менее важно, остраненный взгляд (это особенно актуально в данном случае, потому что Катрин Депретто — исследователь русского формализма, и понятие остранения, которое она переводит как *défamiliarisation*, для нее наполнено особенно глубоким смыслом). Так вот, все это, хотя и в разной пропорции, есть в книге Депретто. В нее вошли статьи разных лет; самая ранняя, посвященная распространению в России книги Соссюра «Курс общей лингвистики», была опубликована в 1986 г.; самая поздняя, о Лидии Гинзбург, — в 2021-м. В том, что касается ранних статей, это, конечно, создает некоторую проблему: не-

смотря на величайшую библиографическую оснащенность автора (список литературы на разных языках занимает 60 страниц), работы, вышедшие значительно позже, в книге не учтены или просто коротко обозначены в позднейших примечаниях. Но это ничуть не умаляет ценности самих этих статей, и, например, статья 1986 г., часть которой посвящена переводчику Соссюра Александру Ильичу Ромму (одна из первых, после работы М.О. Чудаковой и Е.А. Тоддеса 1981 г., публикаций об этом долгие годы прочно забытом филологе), не утратила своего значения и сейчас[1].

Но, пожалуй, самая сильная сторона книги Депретто для читателя-нефранцуза — не только и не столько в открытии новых фактов, сколько в подходе, угле зрения. Этот угол зрения заявлен уже на первой странице, в предуведомлении от автора:

> Долгое время культуру советского периода (1917–1991) изучали преимущественно в аспекте политическом, рассматривая в первую очередь отношения между творцами и властью в терминах порабощения и репрессий. В этой перспективе культурная сфера представала исключительно как объект идеологической обработки со стороны государства; что же касается творцов, истинных «инженеров человеческих душ», они считались не более чем простыми винтиками системы, выполнявшими пропагандистские задания партии. При таком подходе история советской культуры сводилась, во всяком случае для определенных периодов, к рассказу о политике властей в сфере литературы, к рассмотрению партийных резолюций, «идеологических кампаний», запретов и преследований. Что же до разрешенной художественной продукции, считалось, что она характеризовалась беспрецедентным единообразием, следствием главенства единственного допустимого «творческого метода» — социалистического реализма, и полным отсутствием творческой свободы (с. 11).

При этом, замечает Депретто, гораздо меньше внимания уделялось тому, как сами творцы переживали в своем повседневном быту этот репрессивный режим. Исследовательницу же интересует прежде всего именно это: неслучайно уже в самом названии сборника упоминается не «советская культура», а «культура советского периода» (выражение, предложенное, как указывает Депретто, М.О. Чудаковой). В книге рассматриваются прежде всего авторы, которые не принадлежали полностью ни к официальной, ни к запрещенной сфере и которые, каждый на свой лад и в своей пропорции, искали компромисса между собственными убеждениями и необходимостью не только выживать в условиях террора, но и доводить свое творчество до публики. Неслучайно за посвящением книги памяти покойного мужа исследовательницы, историка советского рабочего движения Жана-Поля Депретто (1952–2023), следует другое посвящение: в конце предисловия Катрин Депретто говорит, что своей книгой стремится «почтить всех тех, кто, невзирая на преследования и террор, пытался сохранить силу мысли и творчества» (с. 14).

Книга состоит из трех частей. Первая называется «Творить под давлением в Советском Союзе: институционные рамки и индивидуальные практики». Она начинается с общего рассказа о ситуации: что такое социалистический реализм, что такое советская цензура. Пожалуй, эта часть в наибольшей степени адресована скорее

---

1 Между прочим, в новейшей статье о нем (*Чёрный А.В.* Александр Ромм о проблеме художественного перевода: неизвестные страницы литературной полемики 1920-х годов // Литературоведческий журнал. 2025. № 2(68). С. 201–224), вообще говоря весьма обстоятельной и подробно документированной, работа Депретто не упоминается: лишнее доказательство того печального факта, что нередко исследователи разных стран работают параллельно, не зная друг о друге.

французскому, чем российскому читателю, знакомому с богатой литературой на эту тему. Но и здесь уже внятно звучит именно та главная тема, которая заявлена в авторском предуведомлении: если сводить всю литературу советского периода или даже 1930–1940-х гг. к социалистическому реализму, то это понятие начинает играть роль «эпистемологической ширмы», а исследователи становятся пленниками термина и всего, что желала вложить в него советская власть (с. 30). Между тем эстетическая продукция периода, когда номинально главенствовал соцреализм, была гораздо шире, и это проявлялось отнюдь не только в неподцензурных произведениях, писавшихся в стол. Эту мысль Депретто демонстрирует на четырех конкретных примерах — анализах кинофильма Александра Довженко «Щорс», «психоаналитической автобиографии» Михаила Зощенко «Перед восходом солнца», первого конформистского романа Юрия Трифонова «Студенты» и восприятия заграницы в путевых заметках Александра Твардовского. Произведения, как нетрудно заметить, очень разные и нисколько не оппозиционные по отношению к власти. И тем не менее в каждом из них исследовательница находит то, что хотя бы минимально отступало от соцреалистического канона. Ее интересует в первую очередь именно соотношение (тоже очень разное) советского и несоветского, официального и неофициального, подцензурного и выходящего за рамки цензурных предписаний (в главе, посвященной советской цензуре, Депретто также подчеркивает важность бесконечного ряда случаев, когда авторы, с одной стороны, включали механизмы самоцензуры, но, с другой, оказывали цензуре сопротивление, хотя чаще всего пассивное, состоявшее в поиске обходных путей и способов уклонения от «руководящей линии партии»).

Вторая часть носит название «Гуманитарные науки и советский хронос: русская филология XX века между современностью и отступлением в прошлое». Она тоже начинается с общего вступительного раздела — рассказа о судьбах русской филологии в прошедшем столетии. Речь идет преимущественно о периодах расцвета — во-первых, о «замечательном десятилетии» (1919–1929) с его параллельным развитием и одновременно противостоянием питерского ОПОЯза и Московского лингвистического кружка, а во-вторых, о Московско-тартуской школе 1960-х гг. Однако эти эпохи приобретений не заслоняют многочисленных потерь. В этой части Депретто прежде всего уделяет внимание тому, в какой степени «советский хронос», политический климат эпохи, оказывал деформирующее влияние на работу филологов. Исследовательница подчеркивает: осознание этих деформаций необходимо вовсе не для того, чтобы в чем-то упрекнуть ученых прошлого, но, напротив, чтобы подчеркнуть, в каких сложных условиях им удавалось работать. Сквозная тема этого раздела — попытки ученых удержаться на международном уровне, сохранить контакты с мировой наукой и частые неудачи на этом пути, обуславливавшие отставание от этой науки на несколько лет, а то и на несколько десятилетий.

В разделе пять глав. В двух речь идет как раз об отставании «советского хроноса» от хроноса всеобщего: первая, о которой я уже упомянула, посвящена распространению и обсуждению в 1920-е гг. «Курса общей лингвистики» Соссюра: первое издание книги на французском вышло в 1916 г., а перевод — в 1933 г.; однако на протяжении 1920-х гг. книгу активно обсуждали устно и письменно, так что в такой допечатной форме она все-таки принимала участие в научной жизни; история этих обсуждений подробнейшим образом описана в главе. Там же рассмотрена и судьба первого переводчика «Курса» А.И. Ромма (брата знаменитого кинорежиссера), чей перевод остался незаконченным и неопубликованным. Гораздо сильнее разрыв в «хроносах» повлиял на судьбу книги Бахтина о Рабле: по мнению Депретто, она была написана в первом варианте (диссертация 1946 г.) как

реплика в споре о Рабле между французским филологом Абелем Лефранком, который считал Рабле «реалистом» и подыскивал для его персонажей реальные прототипы, и австрийским лингвистом Лео Шпитцером, который, напротив, считал Рабле мастером «буффонного ирреализма». Бахтин, видевший в Рабле наследника народной смеховой культуры, принял сторону Шпитцера, но книга его увидела свет лишь в 1965 г., на Западе же стала известна еще позже, причем была воспринята в основном как теоретическая, а во многих случаях еще и как марксистская. «Раблезианский» филологический контекст, который Депретто восстанавливает в своей статье, при этом был прочно забыт, тем более что и спор с Лефранком к этому времени потерял свою актуальность.

Темы еще трех глав этого раздела — «советский Пушкин» 1930-х гг.; история толстоведческих работ Бориса Эйхенбаума и, наконец, очерк жизни и творчества Юлиана Оксмана. В главе о советском Пушкине исследовательница уделяет особое внимание рождению в рамках «академического марксизма» такого понятия, изобретенного и активно использовавшегося именно на советской почве, как «историзм». Термин этот теснейшим образом связан со специфическими советскими обстоятельствами 1930-х гг. и необходимостью представить Пушкина не только гениальным писателем, но и гениальным историком, исповедующим принципы реализма и народности; Депретто специально оговаривает, что переводит его словом *historisme* за неимением лучшего, но во многих случаях предпочитает транскрипцию *istorizm*, выразительно «остраняющую» это советское изобретение 1930-х гг.[2] Что же касается отношения Пушкина к истории, то здесь исследовательница присоединяется к А.А. Долинину, который в давней (1999) статье показал, что вполне традиционное понимание исторического процесса как подчиняющегося воле Провидения было Пушкину ближе, чем исторические концепции Минье или Тьерри, от которых, если верить советским авторам 1930-х гг., было уже рукой подать до Энгельса и классовой борьбы.

Глава об Эйхенбауме написана под очевидным влиянием ставшей уже классической работы Е.А. Тоддеса «Б.М. Эйхенбаум в 30–50-е годы (К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции)», впервые опубликованной в 2002 г. В ней Тоддес предложил для описания тех механизмов, которые лежали в основе взаимоотношений советского гуманитария (в частности, Эйхенбаума) с режимом, два термина: интериоризация и адаптация. Ценность главы в том, что Депретто показывает, как именно происходил этот процесс, на примере работы Эйхенбаума над произведениями Толстого, — работы, которую он вел всю жизнь, — и как изменялись, но не исчезали окончательно те инструменты формального анализа, которые Эйхенбаум применил в своей первой книге о Толстом («Молодой Толстой», 1922). Наконец, те же механизмы совсем иначе функционировали в случае Оксмана, который начинал как убежденный коммунист и советский функционер и пересмотрел свое отношение к советской власти только после страшных десяти лет в сталинских лагерях (сам он говорил наполовину в шутку, но наполовину и всерьез, что пяти лет было бы мало). Оказавшись на свободе и вернувшись к научной жизни, Оксман не просто занимался архивными публикациями и комментированием русских писателей XIX в., но также поддерживал кон-

2 Замечу, что в обширной библиографии, приложенной к недавней монографии В.В. Турчаненко и Д.М. Цыганова «“Пушкин наш, советский!”: очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны)» (М.: Новое литературное обозрение, 2025), эта работа Депретто, впервые опубликованная в 2008 г. на русском языке в специальном выпуске журнала «Russian Literature», не упомянута.

такты с зарубежными коллегами-славистами[3] и не по одним лишь научным вопросам; он разоблачал доносчиков, по чьей вине в сталинское время многие люди оказались в лагерях, он передал на Запад неопубликованные стихи Мандельштама и «Реквием» Ахматовой, за что поплатился увольнением из Института мировой литературы и изгнанием из Союза писателей. Однако Депретто рисует не благостную икону; в Оксмане, как и во всех других персонажах сборника, ее интересует сочетание несоветского с советским: человек бесстрашный и независимый, он при необходимости становился «лукавым царедворцем» (пушкинские слова, примененные к нему Ю.М. Лотманом) и пускал в ход свои связи с партийными начальниками, а в научной работе оставался верен, по крайней мере в выборе сюжетов исследования, принципам «советской доксы» (приоритетное внимание к общественно-политической тематике).

И наконец, то же сочетание советского и несоветского, влияние идеологии на человека и попытки человека противостоять ей, удачные или не очень, анализируются в третьей части книги, посвященной эго-документам советского периода. Она начинается с разговора о «советской субъективности», а кончается главой о прозе Лидии Гинзбург, без чьих статей «Поколение на повороте» (1979) и «Заодно с правопорядком...» (1980) не может, разумеется, обойтись разговор о советской «интериоризации» и мимикрии, о «завороженности властью» и «приспособляемости к обстоятельствам». Что же касается отражения в дневниках «советской субъективности», то, отдавая должное работам Йохена Хелльбека[4], Депретто, однако, не соглашается с тем, что эта субъективность, выражавшаяся в том, как авторы дневников подстраивали себя к официальным стандартам, позволяет считать их не только жертвами тоталитарного режима, но и в определенной мере его соучастниками. Конечно, они «формовали» себя сами, и механизмы этой «формовки» достойны самого пристального изучения, но подобное закабаление самих себя есть также следствие тоталитарной системы.

Книга Катрин Депретто — внешне очень скромная, как скромен и ее автор. Здесь нет экспонирования броских лозунгов и жонглирования яркими терминами, каждый тезис здесь дотошно подтверждается ссылками на всевозможные научные исследования, как на русском, так и на английском и французском языках. Я бы обозначила жанр этой книги как «умный синтез» того, что написано о том или ином феномене советской литературы как внутри России, так и за ее пределами. Характерно, что библиографический список в конце книги устроен не так, как принято у нас: сначала книги на русском языке, а затем — на языках европейских; нет, здесь все они транскрибированы латиницей и идут подряд; понятно, что эта особенность чисто формальная: в книге, адресованной французам, бессмысленно помещать названия книг кириллицей, но в данном случае особенность эта, как мне кажется, обретает символический смысл. Катрин Депретто знает о литературе советского периода много такого, что неизвестно людям со стороны, причем не только французам, но, пожалуй, и многим русским исследователям, особенно молодым. Например, рассказывая о деятельности Оксмана по разоблачению сталинских доносчиков и упомянув одного из них, Якова Эльсберга, она вспоминает о том, что статья о нем в Краткой литературной энциклопедии была подписана псевдонимом Г.П. Уткин (с. 234), а говоря о самой этой энциклопедии, замечает, что сей-

3 В приложении к этой главе Депретто публикует письмо Оксмана к знаменитому французскому слависту Андре Мазону из архива Мазона, хранящегося в парижском Институте славянских исследований.

4 См.: *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

час трудно представить, насколько она нарушала официальные нормы и в выборе персонажей, и в характеристике некоторых «сомнительных» авторов (с. 235). Но это знание изнутри сочетается с трезвым взглядом снаружи, а уважение к фактам — с умением подойти к этим фактам концептуально, и такая двойная оптика представляет, как мне кажется, одну из главных ценностей работы Депретто. Конечно, в первую очередь она адресована французам, что совершенно естественно для книги, написанной на французском. Но русские читатели, которые ее прочтут, не только узнают много ценных подробностей, но смогут получить удовольствие от спокойного, умного и эрудированного рассказа о «культуре советского времени».